

(22) СМЕРТЬ ЧИЛОВНИКА
/почти по Чехову/

В один прекрасный вечер не менее прекрасный бухгалтер Андрей Кузмич Мошкин сидел на профсоюзном собрании и слушал выступление профорга бухгалтерии Синицына. Как обычно, Мошкин устроился поудобней и уже собирался незаметно для всех вздремнуть, но... У него в носу что-то подозрительно зашекотало, зачесалось, губы его скривились в страдальческой гримасе, и ему неудержимо захотелось чихнуть. А в это время профорг Синицын произнес тщательно подготовленную фразу:

- Стыдно сказать, но ведь еще недавно было время, когда подчиненные не решались даже чихнуть в присутствии вышестоящих лиц!

Синицын сделал эффектную паузу. Однако Андрей Кузмич больше сдерживаться не мог. Он немного приподнялся, подался вперед и оглушительно чихнул прямо на трибуну. Воцарилась тишина. Многие проснулись. Синицын медленно достал платок, тщательно вытерся и растеряно взглянул на главного бухгалтера. Главбух мрачно хмыкнул, но вдруг, что-то вспомнив, захлопал в ладоши. Весь коллектив бухгалтерии немедленно поддержал его. Некоторые даже проголосовали "за".

После собрания коллеги возбужденно обступили Мошкина. Слышались возгласы: "Ну, Кузмич, ты даешь!" "Так смело начхать на начальство!" "Не ожидали мы от тебя такого!" "Это уж не от сквозняка, а от свежего ветра перемен!" и так далее. Сквозь небольшую толпу протиснулся главбух и пожал Андрею Кузмичу руку. Затем он взял оторопевшего Мошкина за локоть, увел его в сторонку и сказал:

- Смело! Я бы даже сказал - дерзко! В духе, так сказать. Пусть знают - мы не зажимаем критику снизу. Андрей Кузмич, мы тут посоветовались и решили поручить вам выступить с вашим... э-э-э... чихом... от нашей бухгалтерии на профконференции объединения...

Мошкин еще больше оторопел. Мелко моргая, он мямлил извиняющимся тоном:

- Это не я... то есть, это я, но это... не совсем то, о чем вы думаете...

Тут в носу у бухгалтера опять что-то предательски зачесалось, на глазах появились слезы, и он смешно замотал головой. Но это не помогло. Мощный чих, который был долгое время сдерживаем в груди, вырвался наружу. Главбух успел увернуться и почти не пострадал.

Наоборот, он удовлетворенно сказал, как будто это ему предстояло чихать на начальство:

- Ну, вот, молодец! Решено. Итак, завтра, на конференции. И уж постарайтесь, пожалуйста. Подемократичней и порезче...

Не будем скрывать, Мошкину случалось чихать и раньше. Однажды он чихнул даже в музее. Но по заказу Андрей Кузмич еще никогда не чихал. Мучительно обдумывая создавшееся положение, он не спал всю ночь. Наутро бухгалтера невозможно было узнать: редкие от рождения волосы стали еще реже, щеки ввалились, на них проступил туберкулезный румянец, а маленькие глазки совсем потеряли цвет. Но решение было принято: порученный чих необходимо согласовать!

Мошкин записался на прием к директору объединения и был неожиданно быстро принят. В директорском кабинете, переминаясь с ноги на ногу, бухгалтер проблеял:

- Мне-е-е-е... на вас... поручили чихнуть...

- А, это вы, - понимающе сказал директор. - Ну что ж, в добрый час! Идем вашего выступления. Надеюсь, вы понимаете, что самый подходящий для него момент - это уже известное вам место в докладе.

Не глядя на директора, Мошкин кивнул. Выйдя из кабинета, он почувствовал себя лучше. На конференции он был посажен в почетной близости от президиума. Председатель профкома объединения Орлов с пафосом читал доклад, как две капли воды схожий с докладом Синицына. Приближалось злополучное место. Орлов патетически воскликнул:

- Навсегда ушли те времена, когда подчиненные боялись даже чихнуть в присутствии ответственных товарищей!

Последовала запланированная пауза. Зал замер. Все взоры обратились к Мошкину. Бухгалтер немного приподнялся, подался вперед и... уперся взглядом в глаза директора. Пауза затягивалась. Директор благожелательно сказал:

- Ну что же вы? Смелей!

Мошкин еще раз надулся, глаза его заслезились, он обвел помутившимся взглядом весь зал и... снова уперся в глаза директора. Такого напряжения всех своих сил Андрей Кузмич выдержать не мог и опрометью бросился из зала.

Очувтившись дома, он бросился на диван и, не снимая калош, помер.